

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА: КУЛЬТУРА ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА?

*Булавка Людмила Алексеевна –
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Российского института культурологии*

Жесткий дрейф российской культурной политики в «ситуацию ноль», стратегическая невнятность и идейная затхлость текущих процессов,

которые можно было бы назвать скорее мутацией, чем модернизацией, – все это либо загоняет индивида (независимо от его имущественного ценза) в формы частного бытия (и, как правило, реакционно-консервативные), либо заставляет его искать хотя бы исторические прецеденты альтернативной логики развития, несущей живые токи жизни (это уже не тавтология). Сегодня пространство культуры съезживается с такой интенсивностью, что вполне четко обозначается уже и сам вектор этой принудительной устремленности его к своему негативному абсолюту (точке). И если «Черный квадрат» Малевича в культурно-философском смысле можно расценивать как **идеальное распада**, которым был преисполнен канун Октября 1917 г., то «точка» как знак движения современной культуры в *ничто* есть символ **распада уже самого идеального** как такового. Усиление тенденции вымывания из современных художественных практик *образа*, а из научных – *понятия* – тому горькое доказательство.

Наступательный характер этой тенденции, подминяя одних и давя вторых, тем не менее, у третьих – оставшихся – вызывает поиск альтернативных форм культуры, в которых человеку можно было бы дышать. Обострение этого поиска вызвано еще и тем, что человек как родовое существо, имея лишь одну нишу своего обитания – культуру, сегодня оказался во власти диктатуры рынка, превращающего все живое в товар, а чаще всего – симулякр товара. Но идея вещи, тем более как товара, каким бы полезным и эстетичным он ни был, в любом случае не может быть основой человеческой жизни. Утверждение потребительского духа, особенно – в мире культуры, рождает *метафизику опустошения* как идеологию уничтожительного по своей сути частного бытия.

Конечно, эту рыночную тотальность нельзя назвать абсолютной, и даже в ней есть поры, допускающие хоть в какой-то степени отношения мира культуры. Но в чистом виде, как таковые они либо обречены на маргинальность существования, либо вынуждены ютиться в порах того или иного вида профессиональной деятельности, которая в свою очередь сама (и это уже независимо от рода занятий) неизбежно превращается в область тех или иных технологий.

В любом случае заявляющий о себе сегодня, хотя и очень слабо, общественный поиск *иной* логики развития человека, общества и мира в целом не может быть плодотворным без перспективы сопряжения сущностных сил человека с миром культу-

ры. Только на этой основе можно искать альтернативу уже не только господствующим формам отчуждения, но и всему миру отчуждения в целом как таковому.

В связи с этим возникает вопрос: насколько возможно такое социальное бытие индивида, которое предполагало бы не ритуальное, а творческое сопряжение его с культурой, обуславливающее раскрытие его сущностных сил, в том числе за пределами его профессиональной деятельности? При этом важно, чтобы эта связь с миром культуры была «заземлена» на материальные интересы индивида, любые другие связи с миром культуры (в обход его материальных интересов) рискуют рассыпаться при первом изломе социальной реальности.

Вот почему обращение к практикам Пролеткульта представляет для автора особый интерес, ибо в них, с одной стороны, взаимосвязь индивида с культурой проговаривалась, казалось бы, в предельно неблагоприятной ситуации – в условиях Гражданской войны, но именно эта экстремальная ситуация выявляла имманентные законы этой взаимосвязи, ее границы и меру ее прочности. С другой стороны, эта связь революционного индивида с культурой в период 1920-х гг. проявилась как объективная потребность самого индивида. Но что стояло за этой потребностью?

* * *

Проблема Пролеткульта не исчезла с ландшафта исследовательского поля даже в условиях господства постмодернистской иронии и «стеба» по отношению к теме советской культуры в целом. Но при всем разнообразии позиций и подходов к этой теме наибольший интерес у современных исследователей вызывает проблема взаимоотношений идеологов Пролеткульта и представителей Советской власти. Действительно, это одна из важнейших проблем, ибо она затрагивает вопросы культурной политики 1920-х гг. (ее основы, принципы, субъекта), осуществляемой как революционными «верхами», так и революционными «низами», что объективно выводит на проблему демократичности и авторитарности властных отношений в сфере культуры того периода.

Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, особенно в связи с его актуальностью уже для современной российской культуры, которая сегодня определяется главным образом частно-рыночными и бюрократическими интересами, что для культуры, а значит, и для общества оказалось еще более опасным, чем власть превращенных форм идеологического прессинга (не путать с идеями социалистического развития). Распад художественной органики как одна из доминирующих черт современной российской культуры – тому жесткое подтверждение.

Но, наряду с вопросом властных отношений, тема Пролеткульта сопряжена также с проблемой пролетарской культуры как теоретическим вопросом. Дискуссии по этим вопросам были открыты еще до революции и активно продолжались после нее.

Запрос пролетариата на культуру

Понятие «пролетарская культура» появилось еще до Октября 1917 года. Не означало ли это, что уже тогда был заявлен некий общественный запрос на этот тип культуры со стороны пролетариата, к этому времени уже истерзанного I Мировой войной, но еще не дошедшего до Октября 1917 г.?

Революционный разворот классовой борьбы, особенно в период I мировой войны, выталкивал на международную арену набиравший силу пролетариат именно по причине того, что господствующий класс продемонстрировал свою абсолютную несостоятельность в разрешении тех мощных противоречий, в тисках которых находилась не только Россия, но и мир в целом. Сменив баррикады трех революций, выпрямляющийся пролетариат в конце концов задал и такой вопрос – где та культура, которая была бы *Про него, Для него и От него?*

За этими вопросами проговаривалось одно из важнейших противоречий революционного времени: без освоения культурного наследия и активного включения его в общественные процессы не могло быть и речи об исторической перспективе пролетариата как ведущего класса; в то же время решение этого вопроса – дело не одного дня, это процесс исторически длительный. Взвзявшись за крупномасштабные общественные преобразования, революционный субъект объективно испытывал огромную потребность в культуре, которая, будучи всеобщей, одновременно должна была быть связана с его классовыми и историческими задачами. Вопрос культуры для пролетариата являлся насущной необходимостью первого порядка, определяющей не только качество и перспективу его исторического дела, но и прочность его политической власти. Классу, не «пришедшему» к власти, а *завоевавшему* ее, жизненно необходима была та культура, которая давала бы ему понимание не только того, *где и как* устанавливать в обществе «новые светофоры», но *как* осуществлять движение по тому историческому пути, ради которого и велись классовые сражения, унесшие сотни тысяч людей. Вот почему вопрос о «строительстве новой культуры», проникнутой идеями социализма, пролеткультовцы поставили как вопрос о «своей» – пролетарской культуре.

Абстрагируясь пока от таких пролеткультовских определений, как «своя культура» (об этом речь пойдет ниже), все же нельзя не признать того обстоятельства, что у пролетариата была объективная потребность в той культуре, которая отвечала бы его насущным интересам в условиях революционной ситуации. Вот что писал об этом журнал «Пролетарская культура» в 1919 г.: *«И совершенно напрасны и бессмысленны старания найти где-то такую эпоху, где-то такое течение в искусстве, из которого можно было бы выудить художество для современного борющегося пролетариата. Нет ни такой эпохи, ни такого течения в искусстве. Ис-*

тория не повторяется»¹.

Так, откуда же взять эту культуру? Будучи отчужденным от мирового культурного наследия всей своей предшествующей историей, пролетариат объективно не мог (по крайней мере, на этом этапе) создать ее. Может быть, тогда представители буржуазии могли бы решить эту задачу? Но вот как отвечал на этот вопрос один из одесских пролеткультовских журналов в период разгара Гражданской войны: «...не может создать живую, здоровую культуру отживающий, умирающий класс. В руках буржуазии все вековые богатства... Однако, несмотря на все это, буржуазия не в состоянии создать ничего.Никакие румяна и пудры, никакие миллионы не в состоянии у буржуазии искупить ее страшный классовый порок – художественно-культурную импотентность. Это должна раз навсегда учесть молодая рабочая демократия. Должна учесть и сделать соответствующие выводы... При отсутствии таланта архитектора горы золота не в состоянии создать ни одной арки храма культуры. Вместо храма получается озолоченная казарма»².

Итак, выявляется, казалось бы, очевидное противоречие: новый исторический субъект, завоевавший политическую власть и объективно нуждающийся в культуре, сам ее создать оказался не в силах.

Имеет ли право пролетариат на свою культуру?

Но насколько связка – пролетариат и культура – являлась объективной необходимостью для революционной ситуации 1920-х годов? С позиции сегодняшней реальности обязательность сопряжения этих понятий для многих уже давно не является аксиомой. Более того, историческая отчужденность пролетариата от культуры сегодня воспринимается скорее как имманентная характеристика этого класса: пролетариат в отличие от «избранных» пусть довольствуется массовой культурой. Интересно, что «избранные», не принимая принцип классовости как таковой (уже одно слово «класс» их и пугает, и раздражает), в то же время, утверждая деление культуры на массовую и элитарную, тем самым проводят идею классовой демаркации. Но ведь не ровен час, и эти демаркации могут превратиться в баррикады.

В связи с этим возникает вопрос: а вообще имеет ли право *класс* (интеллигенция предпочитает слово «народ»), создающий материальные предпосылки не только для культуры, но и для жизнедеятельности его субъекта, на то, что он сам создает? Иначе говоря, имеет ли право класс, создающий материальное «тело» культуры, не просто на формальный доступ к ней, но на полноценное включение в ее содержание,

¹ Шоо. Пролетарская культура // Пролетарская культура (издание клубной секции Одесского Пролеткульта). 1919. № 1. С. 19.

² Там же. С. 16–17.

причем в качестве уже не зрителя на галерке, а главного действующего лица, т. е. субъекта культуры?

Но ведь включение в культуру в свою очередь требует, как минимум, соответствующего образования, материальной возможности, да и просто физической возможности (наличия сил и времени), чтобы воспользоваться предоставляемой доступностью культуры, если, конечно, эта доступность есть. Много ли крестьянских мужиков и рабочих, не говоря уже о женщинах из этой социальной среды дореволюционной России, «сидели» в читальных залах публичных библиотек или в концертных залах? Да, «сидели», но главным образом в других местах: в мерзлых окопах I мировой войны, в ссылках или дешевых кабаках. Впрочем, просто привести солдата, крестьянина или рабочего на концерт симфонической музыки – это еще не решение проблемы преодоления его отчуждения от культуры, а скорее формальный откуп от нее.

Революционный пролетариат в лице своих теоретиков пошел дальше: на повестку дня он поставил вопрос не только о формальной доступности культурного наследия, и не просто о реальной доступности ее содержания. Практически заявив себя авангардным субъектом исторических преобразований, пролетариат поставил главный вопрос – вопрос о своем *субъектном бытии в культуре*. Да, именно так: став субъектом истории, пролетариат объективно востребовал и своей *субъектностью в культуре*. При этом – и это стоит специально подчеркнуть – идеологи пролетариата (кстати, в большинстве своем не пролетарского происхождения) этот принцип *субъектности* в культуре рассматривали в обязательной и неразрывной связке с необходимостью творческого освоения пролетариатом всего наследия мировой культуры. В противном случае эта «голая» субъектность может обернуться волюнтаристским самоуправством, в том числе, по отношению к культуре.

В этой, казалось бы, утопической и дерзкой заявке пролетариата в действительности заявила себя диалектика высвобождения человека от рабского существования, предоставляющего ему лишь одну роль – объекта (сытого или нет – в данном случае это уже не столь важно) господствующих сил отчуждения (капитала, бюрократии, рынка). По сути, эту заявку пролетариата на *субъектное бытие* в мире культуры можно рассматривать как заявку на новый тип гуманизма, ориентированного на сознательное высвобождение действительных отношений от власти сил отчуждения – «мы наш, мы новый мир построим».

Но *субъектное бытие* пролетариата в культуре предполагает не только освоение культуры, но и ее творчество, в данном случае подразумевая творчество пролетарской культуры. В то же время это положение вызывает целый ряд вопросов. Например, в какой мере пролетарская культура является действительно новым типом культуры? В какой мере она предполагает общечеловеческое содержание? Пролетарская культура – это культура класса или это классовая культура?

Все эти вопросы требуют специального рассмотрения, но прежде зафиксируем еще одно положение: становление пролетариата как субъекта истории, а затем и как субъекта политической власти стало объективной предпосылкой появления у пролетариата запроса на ту культуру, которая отвечала бы его интересам как класса, отражала бы его чаяния и надежды; более того, несла бы такую художественную оптику, которая давала бы человеку труда и творчества возможность осмыслить себя, свои противоречия, свое место в общественной ситуации, разглядеть свои перспективы. Еще двадцать лет назад подобные рассуждения могли бы восприниматься как идеологическая демагогия, но сегодня эта ситуация культурной обездоленности широких социальных слоев давно уже стала привычным фактом современного общественного ландшафта «свободной» от культуры России.

И действительно, много ли сегодня фильмов, книг, новелл, например, о внутреннем поиске, противоречиях, трагедии жизненного выбора всех тех, кто не составляет ряды «криминальных братков»? Например, о тех же активистах протестного движения, пытавшихся бороться, причем иногда ценой собственной жизни, за сохранение высокотехнологичных предприятий, – как это было во второй половине 1990-х гг. на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате, где в рабочих стреляли защитники новых собственников? Или о сельских учителях, пытающихся, при своей нищенской зарплате, организовать хоть какую-то человеческую жизнь детям в спивающихся деревнях; или об ученых, продолжающих вести свои научные исследования вопреки давлению капитала и чиновников?

Вот и тогда на революционном изломе России пролетариат именно как класс идеологически востребовал *новую культуру*, которая была бы связана с его жизнью и деятельностью. Следует отметить, что запрос на *обновление культуры* был обусловлен и самим ее объективным состоянием, в котором она находилась накануне Октября 1917 г., а оно расценивалось даже самой творческой интеллигенцией как глубоко кризисное. С одной стороны, культура содержательно уже не справлялась с той напряженностью и остротой общественных противоречий, которые были вызваны ситуацией I Мировой войны. Художественное высказывание к этому времени реально было уже исчерпано: символизм прятался в театральные занавесы; в футуризме корчились надломленные формы и смыслы. С другой стороны, внутренние противоречия культуры, требующие своего разрешения, оставались по-прежнему замкнутыми в старые социальные формы, не давая возможности их развитию. Суть этого кризиса выразил А. Блок в своем докладе «Крушение гуманизма»: *«Творческий труд сменяется безрадостной работой, открытия уступают первое место изобретениям. Все множественно, все не спяно; не стало цемента, потребного для спайки; дух музыки отлетел, и «чувство недовольства собою и окружающим», по признанию историка, «доводит до изнеможения. Мы имеем право сказать о себе словами Паскаля, что человек бежит от самого себя. Таков недуг нашей эпохи, и сим-*

птомы его так же очевидны для человека мыслящего, как физическое ощущение приближения грозы»³.

Об истощенности прежних смыслов культуры и ее надломленности говорили многие в этот период, независимо от своих идейных предпочтений: «Мы только знаем, что случилось «что-то» в мире, и это «что-то» вылилось в формы социальной революции и потрясло старый фундамент, старые устои. Пошатнулось – что? – цивилизация или культура? Трамвай не ходит, телеграф не действует, печи не топят – «цивилизация» нарушена. Но с другой стороны, рухнула и культура определенного европейского уклада, – опять сошлюсь на те же самые наши беседы о «кризисе культуры», которые уже несколько месяцев ведутся на заседаниях Вольной Философской Ассоциации»⁴ (Иванов-Разумник).

Кризис культуры проявлялся в первую очередь не столько в изношенности ее художественных форм, сколько в истощенности того, что задает ей (1) вектор ценностной ориентации, (2) меру гуманизма (человечности), (3) характер творческой органики, (4) этическую напряженность творческого субъекта, (5) степень всеобщности (универсальности), (6) содержательные приоритеты. И один из важнейших симптомов этого кризиса – это кризис понятия «Человек» как отправного, так и конечного адресата творческого выражения в культуре. Одним словом, все то, что составляет суть культуры в самом широком понимании этого слова, обретающей силу тех «неписаных законов», которые определяют меру реального гуманизма («человечности») во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Кстати, общественное самосознание культурного кризиса также становилось важнейшей предпосылкой формирования общественного запроса на новую культуру.

Можно сказать, что уже накануне Октябрьской революции сформировались два типа общественного запроса на новую культуру. Первый – *идеологический*, востребовавший *пролетарскую* культуру, призванную содержательно отвечать интересам пролетариата как субъекта социалистической «перезагрузки» истории. Второй – *культурный*, ориентированный на такое высвобождение «старой» (*общечеловеческой*) культуры из прежних, сковывающих социальных форм, которое связывало бы ее с магистралью исторического развития, открывающей для нее новое «будущее».

Говоря современным языком, историческая ситуация накануне Октября 1917 г. востребовала «перезагрузки» и самой культуры.

Но в связи с этим возникает вопрос: эти два запроса на новую культуру подразумевают два разных типа культуры, или все же один, но только именуемый разными социальными «заказчиками» по-разному?

³ Блок Александр. Крушение гуманизма. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1955.

⁴ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=14>

Такой вопрос поднимался и тогда. Вот как его сформулировал А. А. Мейер: «...является ли в действительности пролетарская культура высвобождением общечеловеческой культуры после полного разрушения какой-то старой культуры, действительно ли речь идет о новой культуре, действительно творится новая культура или только цивилизация...»⁵.

Этот вопрос о сущности новой культуры ставил и Андрей Белый: «Со стороны одной части общества мы слышим: пролетарская культура есть именно та культура грядущего, которая раскроет нам то, что в условиях современной действительности, пока в мире существует буржуазный строй, не вскрываемо, а со стороны другой части общества мы имеем целый ряд категорических утверждений, отрицающих самую постановку вопроса о пролетарской культуре, потому что пролетариат есть класс и как класс среди классов развивает свое отношение к действительности; между тем культура мыслится многими как нечто общечеловеческое, как нечто, выходящее из рамок класса»⁶.

Надо сказать, что диалектика становления советской культуры разрешила это противоречие, но тогда в 1920-е гг. этот вопрос вызывал жесткую полемику, подчас перемешивая идейные станы оппонентов.

Является ли пролетарская культура общечеловеческой?

Понятие «пролетарская культура» с самого начала вызывало целый ряд вопросов. Особенно после того, как на вопрос, есть ли пролетарская культура, звучал утвердительный ответ: «Да, ответим мы решительно, элементы ее налицо. То, что вы называете классовым сознанием, пролетарской идеологией, это и есть элементы пролетарской культуры» (Ф.Калинин)⁷

Один из первых вопросов, который возникал в связи с этим понятием, звучал так: в какой мере пролетарскую культуру вообще можно считать культурой, понимая под этим: в какой мере эта пролетарская культура в принципе может нести в себе общечеловеческое содержание? Другими словами, насколько пролетарская культура соотносится с всеобщей, «всечеловеческой культурой» и насколько по своему содержанию она сама может являться таковой? Этот вопрос в дискуссиях того времени понимался чаще всего в форме противоречия: если пролетариат – продукт развития классового общества, более того, выйдя на арену истории, он и далее утверждает свою власть как власть класса – диктатуру пролетариата, то откуда у классового

⁵ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=17>

⁶ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=6>

⁷ Калинин Ф. Пролетариат и творчество. Пролетарская культура. 1918. № 1. С. 9.

субъекта возьмется это общечеловеческое содержание, и в частности – общечеловеческая культура?

Вот как сформулировал это противоречие Андрей Белый в одном из своих докладов в Вольном философском обществе: «Другой вопрос встает перед нами, когда мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости; если в современном строе господствует необходимость, то ведь и пролетариат является следствием этой необходимости; он есть показатель распада и разложения, внесенных буржуазной культурой, – стало быть, пролетариат не является вовсе тем классом, который нас вводит в раскрывающуюся свободу... или пролетариат, упраздняя необходимость, но сам, являясь порождением необходимости, упраздняет сам себя; необходимость ликвидирует в пролетариате сама себя... Таким образом следует полагать: пролетариат в силу классовых условий приближается к всечеловечеству; он является носителем всечеловеческого идеала, оставаясь классом»⁸

Этот вопрос вызывал очень рьяные споры, перемешивая станы оппонентов. Вот некоторые позиции по этому вопросу, заявившие себя в то время:

- «... «буржуазия» и «пролетариат» суть понятия «классовые», а «классовой» может быть только «цивилизация»... Мы говорим: «буржуазная культура», «пролетарская культура», – никогда не задумываясь, не есть ли это то, что в логике называется *contradictio in adjecto*¹, противоречие двух соединенных понятий, как, например, «круглый квадрат». На этот вопрос я хотел бы ответить в отрицательном смысле. Я думаю, что соединение этих двух слов есть именно «круглый квадрат», что ни «буржуазной культуры» нет, ни «пролетарской культуры» нет и не будет, а есть нечто другое». (Р. В. Иванов-Разумник⁹).

- «Я поставлю вопрос в более общей форме: является ли пролетариат проводником не классовой культуры, а общечеловеческой, действительно ли идеи рабочего класса – идеи всего человечества, действительно ли это тот класс, которому не нужно господства, которому нужно только освобождение. Так ли это?»¹⁰ (А. А. Гизетти).

- «Пролетариат в устремлении к всечеловеческой культуре является дверью, вскрывающей как раз сторону культуры, которая до сих пор остается не

⁸ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=8>

⁹ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=12>

¹⁰ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=29>

буржуазной, не дворянской и не пролетарской, а человеческой»¹¹. (Андрей Белый).

- «Что такое пролетарская культура? Это не только рабочая культура, в полном смысле этого слова, но и общечеловеческая. Она называется пролетарской только потому, что рабочий класс является застрельщиком, авангардом этой титанической борьбы за эмансипацию всего человечества»¹² (И. Трайнин).

- «Пролетариату ...необходимо свое классовое искусство»¹³ (А. Богданов).

- «...искусство не может быть классовым - перед искусством все равны – искусство общечеловеческое»¹⁴ (Коробов)

Эта точка зрения вызывала дискуссию внутри самого Пролеткульта. «Когда мы выдвигаем вопрос о Пролеткульте, то обычно, прежде всего спрашивают... какая может быть пролетарская культура? Культура одна – общечеловеческая. Разве может быть пролетарская наука? Все эти рассуждения кажутся правдоподобными и имеющими основание только на первый взгляд»¹⁵ – писал идеолог Пролеткульта П. И. Лебедев-Полянский.

Но именно эта позиция и вызывала достаточно жесткую критику со стороны В. И. Ленина. Подчеркивая необходимость и важность подчинения дела просвещения политической задаче уничтожения классов и устранения всякой эксплуатации человека человеком (это и есть главная цель диктатуры пролетариата), в то же самое время он отвергает идею пролетарской культуры как *особой* культуры (культуры для-себя-бытие). В этой пролетарской особости он усматривает «теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации»¹⁶, ибо уже сама сущность пролетариата, связанная с диалектическим снятием классовости, как таковой, исключает эту особенность и в культуре.

Вопрос о пролетарскости в культуре горячо обсуждался в широких кругах творческой интеллигенции; вот, например, что по этому поводу писал один из представителей Вольного философского общества Н. Н. Пунин: «Именно так понимал пролетариат Маркс, так понимают его и сейчас коммунистические вожди пролетариата – пролетариат не пришел для того, чтобы кого-то сместить и кого-то заме-

¹¹ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=11>

¹² Трайнин И. Искусство буржуазное и пролетарское. Зарево заводов (Самарский пролеткульт). 1919. Книга 1. С. 33.

¹³ Богданов А. Пролетариат и искусство. Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 32.

¹⁴ Нерль М. Блуждающая интеллигенция. Гудки. 1919. № 5. С. 18

¹⁵ Полянский Валерьян (П. И. Лебедев). О пролетарской культуре // Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920. Ростов н/Дону. 1921. С. 8.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

нить, но чтобы проявить человеческое в нас по существу...»¹⁷.

То положение, что пролетариат, предельно выражая в себе сущность класса как такового, одновременно несет в себе генетическую установку на снятие классовости, как раз и определяет переходный характер пролетарской культуры. Переход от классового содержания к общечеловеческому отмечали и некоторые журналы Пролеткульт: «Задачей его (пролетариата – Л.Б.) является выработка пролетарской культуры, которая с уничтожением в обществе классового деления станет общечеловеческой»¹⁸. Поэтому, как писал В. Полянский, «...смешивать пролетарскую культуру с социалистической или коммунистической не приходится, ибо это отдельные моменты развития одного процесса»¹⁹.

Более того, свои надежды с развитием новой общечеловеческой культурой Андрей Белый связывает не столько с художественной интеллигенцией, сколько с пролетариатом: «Так вот, может быть там, где начинается человеческое, по существу человеческое, там и начинаются представления о подлинной, не извращенной необходимостью, свободной культуре; пролетариат и ставит задачей себе вывить эту свободу; она в нас загадана и, может быть, не имеет еще своих выражений, поднимаясь, как музыка в душе. Я полагаю, что многое в устремлениях пролетарского сознания следует отнести к свободе, высвобождающей в человеке – человека по существу: пролетариат, имея свой смысл, как класс боевой, имеет, может быть, другой, второй смысл, воистину человеческий смысл. Царство свободы, прыжок в которую из необходимости изображает Энгельс, это-то царство в нас с нашими предвзятыми догматами задавлено»²⁰.

Итак, если пролетарская культура претендует стать общечеловеческой, то это означает, что она должна нести в себе все наследие мировой культуры, в противном случае она не может считаться культурой. Именно это положение стало одним из тех, которые, как ни странно, свели в один стан идейных оппонентов (большевиков и некоторых представителей творческой интеллигенции с антибольшевистской позицией) и развело по разные стороны, казалось бы, идейных единомышленников (Ленина и Богданова). Но на этом дискуссия по вопросу о пролетарской культуре закончена не была. По мере утверждения пролетариата как субъекта масштабных исторических перемен вопрос о пролетарской культуре становился все более важным, вскрывая глубинную сущность взглядов каждого из участников этой дискуссии. Но об этом речь пойдет уже в следующей статье о пролетарской культуре.

¹⁷ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=22>

¹⁸ Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 27.

¹⁹ Полянский Валерьян (П. И. Лебедев). О пролетарской культуре // Стенограмма речи, произнесенной в Москве 20 ноября 1920. Ростов н/Дону. 1921. С. 11.

²⁰ Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). Публикация Е. В. Ивановой. <http://proletcult.ru/?p=243&page=11>